

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 821.161.1+82-1/-9
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-28-694-702

«Про солдата-сироту»: мотив сиротства в повестях В. Астафьева рубежа 1950–1960-х гг.

Вероника Аркадьевна ЩЕРБАКОВА¹ ✉, Пётр Андреевич ГОНЧАРОВ²

¹Заворонежская средняя общеобразовательная школа
393749, Российская Федерация, Тамбовская область, Мичуринский район, с. Заворонежское, ул. Советская, 121

²ФГБОУ ВО «Мичуринский государственный аграрный университет»
393760, Российская Федерация, Тамбовская обл., г. Мичуринск, ул. Интернациональная, 101

✉ veronikapoluschkina@yandex.ru

Аннотация. Проанализирован процесс появления и утверждения в творчестве В. Астафьева мотива сиротства. Обоснована его связь с автобиографическими эпизодами из жизни прозаика. Цель работы: доказательство мысли о зарождении и институализации в прозе В. Астафьева особого типа героя через акцентирование мотива сиротства. Актуальность исследования вызвана неиссякаемым интересом к уникальному творчеству прозаика со стороны критики, литературоведения, читательского сообщества. На материале повестей рубежа 1950–1960-х гг. («Перевал», «Стародуб», «Звездопад», «Кража», «Последний поклон») устанавливается типологическое сходство астафьевских персонажей как между собой, так и с героями классиков русской литературы (Н.М. Карамзин, А.И. Куприн, М.М. Пришвин). Аргументируется мысль о принципиальной общности астафьевского героя-сироты с типом «естественного», «природного» человека. Высказано и доказано предположение о том, что эта общность в числе прочего является результатом размышлений В. Астафьева над волнующими его социально-этическими проблемами: духовно-нравственное одиночество современного человека, утрата этико-социальных связей между поколениями, потребительское отношение к природе, отрыв от истоков. Обнаружена глубинная связь актуализации темы сиротства в творчестве прозаика с масштабными социальными катаклизмами двадцатого столетия (военные конфликты, социально-политические потрясения, урбанизация, распад традиционной деревни, коррозия некогда устойчивых семейных ценностей).

Ключевые слова: сиротство, мотив, повести рубежа 1950–1960-х гг., В. Астафьев, «природный» герой, «естественный человек»

Для цитирования: Щербакова В.А., Гончаров П.А. «Про солдата-сироту»: мотив сиротства в повестях В. Астафьева рубежа 1950–1960-х гг. // Неофилология. 2021. Т. 7, № 28. С. 694–702. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-694-702>

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

“About an orphan soldier”: the motive of orphanhood in V. Astafyev’s stories at the turn of 1950s–1960s

Veronika A. TSCHERBAKOVA¹ ✉, Petr A. GONCHAROV²

¹Zavoronezhskaya secondary school

121 Sovetskaya St., Zavoronezhskoye Village 393749, Michurinsk District, Tambov Region, Russian Federation

²Michurinsk State Agrarian University

101 Internatsionalnaya St., Michurinsk 393760, Tambov Region, Russian Federation

✉ veronikapoluschkina@yandex.ru

Abstract. We analyze the process of appearance and approval of orphanhood motive in V. Astafyev’s work. We substantiate its connection with autobiographical episodes from the prosaist’s life. The purpose of work: to prove the idea of origin and institutionalization in V. Astafyev’s prose of a character’s special type through emphasizing the motive of orphanhood. The relevance of the study is due to the inexhaustible interest in the prosaist’s unique work on the part of criticism, literary studies, reading community. Based on the stories material of the turn of 1950–1960s (“Pass”, “Starodub”, “Starfall”, “Theft”, “Last Tribute”) we establish the typological similarity of Astafyev’s characters both among themselves and with the characters of Russian literature classics (N.M. Karamzin, A.I. Kuprin, M.M. Prishvin). We argue the idea of fundamental commonality of Astafyev’s character-orphan with the type of “natural”, “untutored” person. We express and prove the assumption that this community, among other things, is the result of V. Astafyev’s reflections on the social and ethical problems that concern him: the spiritual and moral loneliness of a modern person, the loss of ethical and social ties between generations, a consumer attitude to nature, a separation from origins. We find a deep connection between the actualization of the orphanhood topic in the prosaist’s work and the large-scale social cataclysms of the twentieth century (military conflicts, socio-political upheavals, urbanization, disintegration of the traditional village, corrosion of once stable family values).

Keywords: orphanhood, motive, stories of the turn of 1950s and 1960s, V. Astafyev, “untutored” character, “natural person”

For citation: Tscherbakova V.A., Goncharov P.A. «Pro soldata-sirotu»: motiv sirotstva v povestnyakh V. Astaf’yeva rubezha 1950–1960-kh gg. [“About an orphan soldier”: the motive of orphanhood in V. Astafyev’s stories at the turn of 1950s–1960s]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 28, pp. 694-702. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-694-702> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

В сюжетостроении астафьевских повестей рубежа 1950–1960-х гг. два мотива оказываются доминирующими и взаимосвязанными: мотив сиротства героя и производный от него, но противоположный по смыслу мотив усыновления. Заметим здесь, что под мотивами у нас имеются в виду обозначенные ещё А.Н. Веселовским «неразлагаемые далее элементы низшей мифологии и сказки» [1, с. 301], причём «признаки общности и повторяемости» [1, с. 305] для нас не менее важны. Для нас значимо и мнение В.Я. Проппа, который определил мотив как «неразла-

гаемую единицу повествования» [2, с. 15]. В этом смысле (первоэлемент, с помощью которого выстраивается структура произведения словесного искусства) понятие мотив и используется нами в этой работе.

Мотивы сиротства и его преодоления оказываются сквозными для творчества писателя: от первой повести «Перевал» до «Весёлого солдата». Здесь как минимум возникают два вопроса: почему эти мотивы активны в прозе писателя и что даёт их использование в его художественных произведениях?

Заметим сразу, что оба мотива имеют у В. Астафьева автобиографические истоки. Как известно, будущий писатель рано потерял мать. Отец в силу особенностей своей «гулевой» натуры, в силу сложившихся обстоятельств мало уделял внимания сыну. Функцию родителей приняла на себя бабушка будущего писателя, изображённая в автобиографической повести «Последний поклон» под именем Катерины Петровны. Далее судьба распорядилась так, что будущий писатель, оторванный и от бабушки, осиротел вновь и нашёл новую семью уже на Урале, рядом с верной спутницей и женой [3].

Примечательно, что своеобразное «усыновление» героя происходит в астафьевской прозе в различных формах. В «Стародубе» роль отца сироты Култыша принимает на себя бывший солдат, бывший каторжник, «олешачившийся» в тайге охотник Фаефан. Характерно, что и Фаефана тоже можно назвать сиротой, ибо он, несмотря на то, что имеет жену и родного сына, тоже «сирь», так как является в старообрядческой деревне Вырубь «безродным» и «одиноким» [4, с. 134].

Астафьевский Култыш, полностью погружённый в мир сибирской природы, как никто другой способный чувствовать и понимать её, имеет значительное сходство с карамзинской Лизой, купринской Олесей, пришвинским Лувеном. В этом случае мотив сиротства обретает функцию ассоциирования своего оригинального героя с литературной русской классикой. Герои близки друг другу не только нравственной естественной чистотой, любовным отношением к природе, созвучной драматичностью судьбы, но и экзистенциальным сиротством. «Тит безродный» (так именуется Култыша в первом варианте повести уставщица мать Мокрида) является главным героем повести, но, будучи «сырым» и одиноким, он практически не оказывает активного влияния на трагическое развитие событийности произведения, событийности, связанной с гибелью Амоса. Воспитанный Фаефаном в духе преклонения перед тайгой, «природным законом», сливаясь с природой, следуя по следам Амоса – персонажа, бросившего вызов «таёжному закону», – Култыш понимает, что его сводный брат сам обрекает себя на гибель. Череда событий, изображаемая в повести, крайне важна для понимания

замысла В. Астафьева, заключающегося в утверждении ценности и истинности типа «естественного» человека, усыновленного природой и относящегося к природе как к матери и божеству. Писателю важно показать, что обман в отношении Култыша, допущенный Амосом, означает предательство матери-природы, нарушение её непреложных законов.

В этой ситуации предельно важным оказывается определение героя, его характера через поступок, действие, событие. Так, С.В. Стахорский под термином «герой» подразумевает «объективацию образа в сюжете, становящегося одновременно объектом наблюдения и субъектом событий, способным действовать в сюжетных обстоятельствах и коллизиях, а также их проживать и переживать. Всякий герой – непременно лицо действующее, хотя характер его действий существенно различается в разных литературных жанрах и формах (роман, драма, повесть, поэма и проч.)» [5, с. 9].

Значительным для характеристики персонажа представляется и отношение героя к окружающему миру. Правомерность отнесения Култыша к типу «естественного человека» подтверждается его пониманием истинного дома. Так, в отличие от своих односельчан, которые возводили свои избы «на скорую руку», «вкапывались глубже, отгораживались высокими крепкими заплотами» [6, с. 111], для молодого таёжника спасительным домом является тайга. Она заменяет герою и стены, и крышу, и даже семью. Его сводный брат, композиционный антипод Амос, благополучно живёт в забытом о Христе и совести обществе псевдокержаков, мыслит предельно рационально, мечтает корыстным и обманным убийством оленей – «коровы» и её «телёнка» – достигнуть материального достатка: «Будут и денежки и свежинка». Амос, в отличие от «безродного» Култыша, стремится только к материальным благам: «Есть у Амоса думка свою мельницу поставить. <...>. Потечёт хлебец!» [6, с. 169]. Амос рассуждает и о Култыше с позиций собственной меркантильности: «С тобой бы сноровкой озолотеть можно!» [6, с. 160]. Но астафьевский Култыш, вопреки ожиданиям сводного брата, живёт иными чувствами и эмоциями, ему не нужны разно-

го рода блага цивилизации, он, имея возможность хорошо заработать охотой на таёжного зверя, не обременён мыслью о лёгкой наживе. Молодой таёжник считает лесных животных неотъемлемой частью природы, «братьями меньшими», поэтому с особой бережностью относится к ним: «<...> ослабленного зверя никогда не бивал, самку в тягостях не трогал, гнёзд не зорил» [6, с. 145].

Близким автору повести свойством Култыша является и особое трепетное отношение молодого таёжника к природе как матери: «<...> тайга женит своего сына!», «матушка тайга» [6, с. 136]. Сироту Култыша усыновляет не только охотник Фаефан, но и «великая сотворительница тайга» [6, с. 176], почитаемая им как божество. Поэтому, оказавшись чужим, не нужным обществу Вырубов человеком, он не чувствует какого-либо отчаяния и одиночества, а наоборот старается как можно скорее уйти «домой» – в тайгу. Он чувствует и знает, что он нужен природе, тайге, и они необходимы ему, что они неделимы. Обретение Култышом «природного» дома и «тайги-матери» подчёркивает его явную противоположность забывшим о боге и совести, о законах тайги жителям Вырубов, и это также даёт право отнести героя «Стародуба» к типу «природного человека» [7]. Интересно, что этот мотив (уход в тайгу) практически в неизменном виде будет воспроизведён в пьесе А. Вампилова «Прошлым летом в Чулимске» в связи с судьбой Еремеева, тоже, по мнению исследователей пьесы, тяготеющего к типу «природного героя» [8].

Явление «природного героя» в повести «Стародуб» – это вначале интуитивное, а затем осознанное обретение В. Астафьевым персонажа, усыновленного природой. Этот персонаж является реализацией продуктивных размышлений прозаика над характерными для всего его творчества проблемами: ощущение собственного сиротства, потребительское отношение современного «цивилизованного» человека к природе, оторванность людей от своих социальных и природных корней, утрата опыта природопользования, накопленного предшествующими поколениями, глобальная урбанизация.

Култыш вызывает симпатии и сочувствие автора не только своим отношением к природе, но и своей семейной обездоленно-

стью, он герой-сирота, и это не простая случайность. Как на рубеже 1950–1960-х гг., так и на протяжении всего творчества у В. Астафьева в его произведениях предельно активен тип героя-сироты. У В. Астафьева этот тип героя актуализирован его собственным сиротством. Но его актуализация как в русской, так и в мировой литературе во многом обусловлена глобальными социальными катаклизмами двадцатого столетия (войны, революции, урбанизация, распад традиционной семьи), которые и привели к значительному возрастанию количества детей-сирот.

По мнению В. Астафьева, сиротство является глубоко нравственным понятием, которое заключается не только в формальном отсутствии родителей у ребёнка, но и в духовном одиночестве формирующегося человека. Поэтому герой-сирота у прозаика – это, прежде всего, позабытый, покинутый, брошенный взрослыми человек, оказавшийся без моральной поддержки и живительного наставничества. В связи с этим у писателя складывается своя собственная модель изображения типа героя-сироты. С одной стороны, она связана с социокультурными особенностями эпохи, в которой создавались эти произведения, с другой – с обстоятельствами биографии писателя.

Особенно ярко тип героя-сироты представлен в повестях, написанных с использованием лишь чуть трансформированных элементов биографии писателя («Перевал», «Звездопад», «Кража», «Последний поклон»). Очевидно, что создать тип героя-сироты в литературе – одна из сложнейших задач, которая под силу только тому писателю, который на себе ощутил все «прелести» этого состояния, сам пережил чувства, мысли, страдания лишённых родительской опеки людей. Обобщённый образ героя-сироты складывается у В. Астафьева рубежа 1950–1960-х гг. из конкретных образов таких персонажей, как Илья Верстаков («Перевал»), Култыш («Стародуб»), Мишка Ерофеев («Звездопад»), Толя Мазов («Кража»), Витя Потылицын («Последний поклон»). Все они из-за социальных катаклизмов времени, отсутствия покровительства старших обладают созвучной трагической судьбой, отражающей проблемы и противоречия общественного бытия, жизни их взрослых современников.

Как правило, герои-сироты В. Астафьева страдают от отсутствия всяческой заботы, теплоты, материнской любви, отцовского попечения, наставлений. Они не защищены от жестокостей окружающего мира и в любых жизненных обстоятельствах вынуждены рассчитывать только на себя. С одной стороны, Илья Верстаков, Толя Мазов, Витя Пытлицын представлены как самостоятельные, смелые, способные на решительные поступки герои, а с другой – они обречены на одиночество, их преследует часто возникающее чувство вины, ненужности, «ущербности», унижения. «Сирота ведь рубах меньше изнашивает, чем прозвищ» [6, с. 27].

Сиротой-«детдомовщиной» изначально, до вспыхнувшей неожиданно любви ощущает себя главный герой «Звездопада». Сиротство Мишки Ерофеева детально не прописано, хотя и недвусмысленно обозначено автором в ряде эпизодов и диалогов: «– Береги руку, – Лида остановила ладошку на моей перебитой кисти. – Чудом спаслась. Отнять хотели. Видно, сил у тебя много.

– Не в том дело. Просто мне без руки нельзя, кормить меня – детдомовщину – некому [6, с. 247].

«Ранбольной» солдат Ерофеев глубоко одинок в своих госпитальных заключениях и переживаниях, свойственных ещё со времён А. Твардовского и более отдалённых времён «солдату-сироте». «Про солдата-сироту» – это название одной из наиболее трагедийно звучащих глав знаменитой «книги про бойца». «Солдат-сирота» у А. Твардовского не равен только неунывающему Василию Тёркину, этот образ в сравнении с Тёркиным, – не меньшее обобщение, образ, впитавший в себя человеческие трагедии самых разных социальных слоёв и времён. Вероятно, это даёт основание поэту заявить:

Может, здесь ещё бездонней
И больней душе живой,
Так ли, нет, – должны мы помнить
О его слезе святой [9, с. 237].

Характерно и то, что лирический герой поэмы А. Твардовского, и его персонажи, не взирая на войну, чувствуют природу как своё начало и продолжение, и в этом они по своему близки астафьевским персонажам. Герои А. Твардовского даже время измеряют

не часами, не годами, а природными явлениями:

Были листья, стали почки,
Почки стали вновь листвою.
А не носит писем почта
В край родной смоленский твой [9, с. 456].

Астафьевский герой-сирота находит «родственников» среди самых разных персонажей русской словесности. Так, «сиротские песни» – целый жанрово-тематический пласт русской фольклорной лирики, а образ сиротства военной поры оказался свойственным не только «простонародным» по своему словословному происхождению М. Исаковскому («Враги сожгли родную хату»), А. Твардовскому, но и вполне «элитарной» А. Ахматовой:

Щели в саду вырыты,
Не горят огни.
Питерские сироты,
Детоньки мои! [10, с. 196].

Такой же «внесловной», всечеловеческой оказывается противостоящая сиротству и другим трагедиям века любовь в изображении русских писателей второй половины XX века – в прозе В. Быкова («Альпийская баллада»), Ю. Бондарева («Берег») и др. Любовь в астафьевском «Звездопаде» приобретает совершенно оригинальное звучание не только потому, что это любовь в разгар войны – «не ко времени», не только потому, что это любовь юной девушки к раненому бойцу, но главным образом потому, что это любовь-усыновление. Непростую в этой ситуации роль берёт на себя возлюбленная Мишки Ерофеева: «– Выходила тебя. Ровно родила, – наконец тихо, словно бы самой себе вымолвила Лида.

Откуда ей знать, как рожают? Хотя это всем женщинам, поди-ка, от сотворения мира известно. А Лида же ещё и медик!» [6, с. 347]. Интересно, что любовь-усыновление как особая связь между мужчиной и женщиной была замечена другим русским прозаиком, тоже в своё время усыновленным природой. В дневниковых записях 1954 г., связанных с его отношениями с Лялей (В.Д. Пришвиной), восьмидесятилетний М.М. Пришвин в качестве метафоры исполь-

зует созвучный образ: «И пусть дойдёт до того, что она меня, как младенца своего, будет качать на руках <...>» [11, с. 444].

Астафьевский автобиографизм звучащего в «Звездопаде» своеобразного мотива усыновления усиливается «совпадением» имени возлюбленной с именем погибшей матери писателя и лирической формой повествования от первого лица, характерной для этой повести. Автобиографизм оказывается в этой ситуации усиленным, почти двойным: Мария Семёновна Корякина-Астафьева осенью 1945 г. в значительной мере взяла на себя аналогичную по отношению к будущему писателю роль. В своей автобиографии писатель сообщает об этом практически безэмоционально: «<...> в местечке Станиславчик <...> я повстречал военную Марию Семёновну Корякину, сразу же после демобилизации женился на ней и поехал на её родину, в город Чусовой [3, с. 5].

За нарочитой безэмоциональностью (официально-бюрократическое «военнослужащая» – о будущей верной спутнице всей жизни, помощнице и первой читательнице всех его произведений) ощутима явная попытка скрыть всю сложность чувств по отношению к той, кто пыталась заменить ему мать, сестру, других утраченных близких людей.

В «Звездопаде» нашла себе место ещё одна деталь, за которой скрывается автобиографически «сиротские» взгляд и слово В. Астафьева. Во время прощания с Лидой Мишка Ерофеев роняет внешне случайную фразу: «– Не надо плакать, сестрёнка моя» [6, с. 250]. Но за случайностью явно просматривается автобиографичность. В своей автобиографии 2000-го года писатель отмечает о своих умерших «во младенчестве» сёстрах: «<...> я всю жизнь ощущал и ощущаю тоску по сестре и на всех женщин, которых любил и люблю, смотрю глазами брата. И они каким-то образом всегда это чувствовали, старались заменить мне сестёр и, видимо, не напрасно первой любовью наградила меня Господь к сестре милосердия, в госпитале» [3, с. 3].

В. Астафьев, на наш взгляд, целенаправленно акцентирует в прозе рубежа 1950–1960-х гг. тип героя-сироты, чтобы обратить общественное внимание на глобальную и

всегда драматическую проблему сиротства. В этом плане В. Астафьев далеко не одинок: в литературе второй половины XX столетия к этой теме активно и результативно обращаются и его современники: Ф. Абрамов («Безотцовщина»), А. Вампилов («Старший сын»), В. Распутин («Уроки французского») и др. Характерно и иное: астафьевские сироты, как и герои Ф. Абрамова, В. Распутина, находят духовную поддержку не в поколении родителей, а в среде бабушек и дедушек. Астафьевская Катерина Петровна оказывается духовно родственной распутинским старухам, абрамовской Василисе Милентьевне, готовым «через голову» детей передать традиции гармоничного жизнеустройства непосредственно внукам.

Для Астафьева важно провести мысль об ответственности старшего поколения перед юным, вызвать в общественном сознании острое чувство стыда перед детьми, особенно перед теми, кто уже способен осознать истинную причину своего прискорбного положения (оставленные собственной семьей).

Прозаик, создавая характеры героев-сирот, намеренно подчёркивает различие мировосприятия детей и взрослых, их расхождения во взглядах и жизненных устремлениях. Часто прозаик изображает вынужденное раннее «взросление» детей-сирот на фоне инфантильности их родственников из числа старшего поколения. Так, Илья Верстаков («Перевал») рассуждает не по возрасту мудро о разладе в семье: «<...> лучше бы уж жить в голоде, в холоде, да в ладу» [6, с. 35]. Вслед за ним и Толя Мазов («Кража») думает с взрослой настороженностью и тревогой не только о своей, но и о будущей жизни всех детдомовских ребят: «Как жить? Что они знают о людях? Что люди знают о них?» [6, с. 461].

Выразительным сюжетным ходом, объединяющим героев прозаика в тип героя-сироты, можно считать трудное, но успешное преодоление испытаний, выпадающих на их нелегкую долю. В. Астафьев, видимо, полагает, что юный человек должен пройти определённый сложный этап жизни, столкнуться с трудностями, пережить переломный момент их преодоления и лишь после этого достигнуть некоего психологического взросления. Помимо такого рода катарсиса иного

пути к цели духовно-нравственного становления у астафьевских героев-сирот не существует.

Так, юные герои «Перевала», «Кражи», «Последнего поклона» вынуждены проделывать и производят напряжённую духовную работу, в ходе которой формируются их духовные и нравственные ценности. Вряд ли автор-повествователь (стоящий за судьбой каждого из главных героев этих повестей) намеренно «обрекает» героев-сирот на такие испытания, но процесс их возмужания, формирования истинных жизненных принципов и осмысления важных понятий без этих испытаний не выглядел бы достоверным, правдоподобным.

Астафьевский сирота способен на самоотречение, на действие, которое есть все нравственные основания именовать подвигом. Так, подросток Илька («Перевал»), не задумываясь, спасает тонущих сплавщиков. Толя Мазов («Кража»), ставя под угрозу собственную жизнь, возвращает украденные деньги, тем самым спасая безвинных людей. Витя Потылицын, также рискуя жизнью, отправляется зимой в долгий путь ради встречи с родным, попавшим в беду, человеком. В целом же астафьевские герои-сироты часто выглядят намного надёжнее, «взрослее», чем легкомысленные представители поколения их родителей, родственников (отец героя в «Перевале», родственники Толи Мазова в «Краже», «папа» в «Последнем поклоне» и т. п.). Парадоксально, но именно на юных героев-сирот, по нашему мнению, В. Астафьев возлагает большие надежды на воскрешение утраченной связи поколений, на возвращение к традиционным нравственным ценностям нации.

Чуткое восприятие окружающего мира, его красот и несовершенства, одиночество, неприкаянность, беззащитность, вынужден-

ное сверххранное взросление, растерянность перед жизненными проблемами – всё это объединяет молодых героев В. Астафьева и позволяет отнести их к единому типу, в котором сиротство и его преодоление играют роль доминирующих, интегрирующих мотивов. Варьированное повторение мотива в судьбе и образе персонажа позволяет сделать вывод о созданном писателем таком герое, который имеет свойства литературного типа. В этом плане мы солидарны с убеждением Л.В. Чернец, которая понимает под типом «наиболее устойчивые черты характеров ряда персонажей», «результат естественной классификации, типологии персонажей, то есть доминантные черты в поведении, психологии ряда литературных героев <...>» [12, с. 54].

Таким образом, в совокупности с рядом героев М. Пришвина, А. Твардовского, С. Залыгина, Ф. Абрамова, А. Вампилова, В. Распутина и некоторых других художников XX века этот персонаж тяготеет к типу естественного, «природного человека», сиротство которого, будучи свойством, определяющим его судьбу, преодолевается его обретенным родством с природой. Характерный для В. Астафьева мотив сиротства произрастает из собственного жизненного опыта писателя, а связанный с этим мотивом тип героя является продуктом осмысления социально-исторических потрясений двадцатого столетия. Астафьевский герой-сирота обязательно сталкивается со сложными жизненными испытаниями, проверяется на способность жить среди людей по законам совести. Этот герой, заявив о своих основных свойствах в произведениях, датируемых рубежом 1950–1960-х гг., становится одним из главных в творческой парадигме В. Астафьева и более позднего периода.

Список литературы

1. *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. М.: Высш. шк., 1989. 405 с.
2. *Пропп В.Я.* Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. 143 с.
3. *Астафьев В.П.* Рассказу о себе сам // *День и ночь.* 2004. № 1–2. С. 2–7.
4. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1982. Т. 3. 555 с.
5. *Стахорский С.В.* Литературный герой и его историческая судьба // *Энциклопедия литературных героев.* М.: Аграф, 1999. 495 с.
6. *Астафьев В.П.* Собрание сочинений: в 15 т. Т. 2. Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. 494 с.

7. Гончаров П.А., Гончаров П.П. «Природный человек» и проблема типологии героя прозы XX века // Актуальные проблемы преподавания гуманитарных дисциплин в школе и вузе: межвуз. сб. ст. Ми-чуринск: МГПИ, 2005. Вып. 2. С. 54-60.
8. Гончаров П.А., Чербаева О.В. Сибиряк в персонажной сфере А. Вампилова // Современные научные исследования и инновации. Электронный научно-практический журнал. 2015. № 12. С. 180-191. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/12/61820> (дата обращения: 29.05.2021).
9. Твардовский А.Т. Василий Тёркин: Книга про бойца. М.: Современник, 1976. 694 с.
10. Ахматова А. Сочинения: в 2 т. Т. 1 / сост., подгот. текста, вступ. ст. М.М. Кралина. М.: Цитадель, 1996. 447 с.
11. Пришвин М.М. Дневники / сост., предисл. и коммент. Ю.А. Козловского. М.: Правда, 1990. 480 с.
12. Чернец Л.В. Типы самодура и делового человека в пьесах А.Н. Островского // Русская словесность. 2014. № 5. С. 52-65.

References

1. Veselovskiy A.N. *Istoricheskaya poetika* [Historical Poetics]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1989, 405 p. (In Russian).
2. Propp V.Y. *Morfologiya volshebnoy skazki* [Fairy Tale Morphology]. Moscow, Labirint Publ., 2001, 143 p. (In Russian).
3. Astafyev V.P. Rasskazhu o sebe sam [I'll tell you about myself]. *Den' i noch' – Day and Night*, 2004, no. 1–2, pp. 2-7. (In Russian).
4. Dal V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, Russian Language Publ., 1982, vol. 3, 555 p. (In Russian).
5. Stakhorskiy S.V. Literaturnyy geroy i ego istoricheskaya sud'ba [Literary hero and his historical fate]. *Entsiklopediya literaturnykh geroyev* [Encyclopedia of Literary Heroes]. Moscow, Agraf Publ., 1999, 495 p. (In Russian).
6. Astafyev V.P. *Sobraniye sochineniy: v 15 t. T. 2* [Collected Works: in 15 vols. Vol. 2]. Krasnoyarsk, PIK "Ofset" Publ., 1997, 494 p. (In Russian).
7. Goncharov P.A., Goncharov P.P. «Prirodnyy chelovek» i problema tipologii geroya prozy XX veka [“Natural man” and the problem of typology of the hero of the prose of the 20th century]. *Aktual'nyye problemy prepodavaniya gumanitarnykh distsiplin v shkole i vuze* [Actual Problems of Teaching Humanitarian Disciplines at School and University]. Michurinsk, MSPU Publ., 2005, issue 2, pp. 54-60. (In Russian).
8. Goncharov P.A., Cherbayeva O.V. Sibiryak v personazhnoy sfere A. Vampilova [Siberian character in the character's field of A. Vampilov]. *Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i innovatsii. Elektronnyy nauchno-prakticheskiy zhurnal – Electronic Scientific and Practical Journal “Modern Scientific Researches and Innovations”*, 2015, no. 12, pp. 180-191. (In Russian). Available at: <http://web.snauka.ru/issues/2015/12/61820> (accessed 29.05.2021).
9. Tvardovskiy A.T. *Vasiliy Terkin: Kniga pro boytsa* [Vasily Terkin: A Book about a Fighter]. Moscow, Sovremennik Publ., 1976, 694 p. (In Russian).
10. Akhmatova A. *Sochineniya: v 2 t. T. 1* [Writings: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Tsitadel Publ., 1996, 447 p. (In Russian).
11. Prishvin M.M. *Dnevnik* [Diaries]. Moscow, Pravda Publ., 1990, 480 p. (In Russian).
12. Chernets L.V. Tipy samodura i delovogo cheloveka v p'yesakh A.N. Ostrovskogo [Types of “petty tyrant” and “businessman” in plays A.N. Ostrovsky]. *Russkaya slovesnost' – Russian Literature*, 2014, no. 5, pp. 52-65. (In Russian).

Информация об авторах

Щербакова Вероника Аркадьевна, учитель русского языка и литературы, Заворонежская средняя общеобразовательная школа, с. Заворонежское, Мичуринский район, Тамбовская область, Российская Федерация, veronikapoluschkina@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7130-8385>

Вклад в статью: общая концепция статьи, анализ литературы для подготовки материала статьи, написание большей части текста статьи.

Гончаров Пётр Андреевич, доктор филологических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Социально-педагогического института, Мичуринский государственный аграрный университет, г. Мичуринск, Тамбовская обл., Российская Федерация, goncharovpa2015@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-5063-9564>

Вклад в статью: научное консультирование, анализ художественного текста, написание части текста статьи, обработка и редактирование материала.

Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 02.07.2021
Одобрена после рецензирования и доработки 30.08.2021
Принята к публикации 02.09.2021

Information about the authors

Veronika A. Tscherbakova, Teacher of Russian Language and Literature, Zavoronezhskaya secondary school, Zavoronezhskoye Village, Michurinsk District, Tambov Region, Russian Federation, veronikapoluschkina@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7130-8385>

Contribution: main study conception development, literature analysis for preparation of article material, most of manuscript text drafting.

Petr A. Goncharov, Doctor of Philology, Professor of Social and Humanitarian Disciplines Department of Social and Pedagogical Institute, Michurinsk State Agrarian University, Michurinsk, Tambov Region, Russian Federation, goncharovpa2015@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-5063-9564>

Contribution: scientific consulting, literary text analysis, part manuscript text drafting, material processing and editing.

There is no conflict of interests.

The article was submitted 02.07.2021
Approved after reviewing and revision 30.08.2021
Accepted for publication 02.09.2021